

П

оследней своей книги воронежский журналист Эдуард Ефремов опубликованной не увидел. А очень хотел, спешил дописать, договорить о дорогом для него человеке. И в целом стандартная фраза — книга, последняя по времени написания — в этом конкретном случае получает особую значительность и вес. В последней книге не лгут, в ней пишут о самом важном, значительном, личном. Именно такая книга Эдуарда Петровича о его старшем друге художнике Криворучко. Ее название — «Мой рок — судьба моей Родины» — звучит горько, злободневно, отчетливо переключается с тем, о чем писал, о чем говорил в последние годы Василий Павлович.

Последняя книга Э. Ефремова очень личностная. Авторское присутствие в ней заявлено столь отчетливо, что, кажется, тревожная, публицистически открытая ее интонация не совсем типич-

Ефремов Э.П. Мой рок — судьба моей Родины. Художник В.П.Криворучко в письмах, воспоминаниях, дневниковых записях. — Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2019. — 136 с.

на для жанра воспоминаний. А это и есть прощальное слово, исповедь журналиста Ефремова. Вот почему его голос иногда трудно отличить от голоса Василия Павловича. Совпадая, они образуют не диалог, а единую ткань повествования «от Криворучко». Но эта книга и «от Ефремова», ибо она о самой значительной встрече в журналистской биографии и в его человеческой судьбе: «Дружил с Василием Павловичем с 1963 года». Дальнейшее повествование подтвердит прочность и долговременность дружбы, несмотря на разницу в возрасте, в жизненном опыте: их встреча произошла тогда, когда младшему было 17 лет, а за плечами старшего — не только талант, человеческая зрелость, но и Великая Отечественная война.

Как показали дальнейшие годы, случилась эта встреча вовремя, в пору личностного становления Эдуарда Ефремова, студента-филолога, рано обнаружившего склонность к эпике, к масштабным героям. Например, первокурсник Эдик Ефремов предложил факультетскому литобъединению обсудить фрагменты написанного им романа. И не то удивительно, что пришел на литобъединение и довольно скоро стал им

руководить — кто на филологическом факультете не пишет стихов и рассказов, не мечтает о писательской стезе? Удивительно, что не побоялся вынести свой роман, прочитанный знаменитым рокочущим ефремовским басом в легендарной 39-й аудитории филфака, на студенческий суд, как правило, размашистый и беспощадный! Текст, конечно, забылся, но поступок остался в памяти, запомнилась смелость самой заявки, готовность заявить и отстаивать свою позицию. В этом была, как понятно теперь, не только юношеская дерзость — проступал характер, обозначались начала личностного поиска. Не это ли в первую очередь ценил в своем юном друге Василий Павлович?

Фигура Криворучко, главного героя книги, не позволяет ей стать воспоминаниями о том, что ушло, покрылось флером благодарной памяти. В центре воспоминаний Э. Ефремова — крупная личность, большой художник, осознающий и масштабы своего дарования, но, что более важно, понимающий *для чего* ему этот талант послан. Вот как об этом говорит сам Криворучко: «Меня всего... перекроила поездка в Мурманск. Приехал на этюды, а увидел тысячи солдатских костей. <...> Незахороненные солдаты Великой Отечественной войны... Вернулся совсем другим человеком. Все, что сейчас пишу, делаю — память им, память всем убиенным, память прошлой моей Родине и вера в ее настоящую...»

Для Криворучко, как и для всякого фронтовика, война была главным жизненным событием, определявшим послевоенную судьбу. Чем дальше она уходила в прошлое, тем требовательнее становилась память о ней. Именно об этом книга 2019 года журналиста Эдуарда Ефремова. О большом художнике, ярком человеке, о дне сегодняшнем, о Памяти. О том, что делает книгу явлением общественно значимым. Ее внутренним нервом является осознание того, что не написать этой книги нельзя, в ней столько памятного, пережитого, передуманного не только В.П. Криворучко. Вот почему

традиционный сюжет «книги воспоминаний» — многолетние отношения молодого журналиста и старого художника — стал рассказом и об Э.П. Ефремова. К тому же ее автор — уже не тот студент, которого старый художник когда-то считал не созревшим «еще до серьезности» большого, возможно, самого главного их разговора («Молодой, хотел бы с тобой серьезно поговорить...»).

Прямой, резкий, талантливый, Криворучко не был человеком светским, удобным в общении, особенно с теми, кого он не принимал («...стольким еще гадам хочется морду набить...»). А если Эдуард Ефремов столько лет дружил с ним, входил в «ближний круг» художника, значит, того хотел Василий Павлович.

Мы начали свое слово об Эдуарде Петровиче Ефремова с его последнего писательского жеста — с книги, ставшей логичным завершением его журналистского и писательского пути. Она стала в ряд с книгой о Марии Николаевне Мордасовой, с добрым, светлым повествованием о певице, тональность которой точно задана ее словами — «Может, сердце чье-то трону...» (2016).

Эдуард Петрович был великодушным рассказчиком, умел сыграть для своих слушателей сценку с колоритным собеседником. Он воспроизводил не отдельные слова или фразы, но ситуацию в целом, которая строилась вокруг фигуры заинтересовавшего его человека. А людей ярких, необычных Эдуард Петрович находил легко, они словно сами шли ему навстречу. Он чувствовал масштаб личности своего собеседника, понимал его, а потому легко зажигался, делился радостью от встречи с удивившим его человеком с каждым, кто, по его мнению, мог разделить его радость.

В журналистской памяти Э. Ефремова хранилось много редких встреч, удивительных открытий, хотя он и не принадлежал к числу записных оптимистов. Немало было в его жизни разочарований и неудач, болезненных зарубок на сердце, горьких открытий. Не будучи по натуре резким человеком, он тем не ме-

нее никогда не боялся обозначить свою позицию, высказать свое мнение и тогда, когда оно бывало неудобным, не совпадающим с мнением большинства.

Зато как легко ему было говорить о тех, кого он любил, кто становился частью его судьбы! В их числе — Полина Андреевна Бороздина, легенда филологического факультета, близкий и дорогой Эдуарду Петровичу человек. Все написанное и сказанное о ней Ефремовым исполнено бесконечного уважения и сыновнего чувства.

Эдуард Ефремов был хорошим журналистом, добрым, отзывчивым человеком. К нему охотно обращались люди со своими бедами и просьбами. Он всегда, если мог, стремился помочь, его жизненная, журналистская позиция была точной и определенной. И в этом он совпадал со своим старшим другом, Василием Павловичем Криворучко, который, как пишет Ефремов, «вобрал в себя века героизма Отечества, потому и не ведал страха — всегда отстаивал то, что считал нужным». Практически теми же словами рассказывает о себе Криворучко в дневнике, который цитирует Ефремов: «Себя художником осмыслил только тогда, когда понял — я воин Поля Куликова. Тот воин, которого за собой повели Сергей Радонежский, Дмитрий Донской».

Книга Эдуарда Петровича, как и послесловие редактора, заканчивается на грустной ноте. В последней дневниковой записи речь идет о новом (а почему, собственно, «новом»? — Неистребимо это племья!) поколении спекулянтов («от искусства»), для которого произведения искусства всего лишь предметы торга. Так, один из таковых предлагает Ефремову за приличную сумму купить набросок Василия Павловича, из разряда тех, которые, как он давно знает, сам художник обычно выбрасывал, называя их «картинками». И в этом же ряду вопрос одной чиновницы — по поводу возможного открытия к 100-летию со дня рождения художника культурного центра Криворучко: «А много ли у него этих картинок?»

Эдуард Ефремов

Невежество, эстетическая глухота представителей властных структур всегда ужасали Василия Павловича. Больно ранили его многие факты реальности, в которой он жил, рождавшие горькие мысли о поколениях людей, воспитанных на чужих, часто примитивных западных образцах, не знающих отечественной культурной традиции, не дорожащих ею. Правоту горестных наблюдений художника подтверждает редактор книги «Мой рок — судьба моей Родины», заметивший в послесловии, что «не любили все же Василия Павловича, и по сей день остались потомки недолголюбимых», добавив, что «эти печальные выводы» относятся и к самому Э. Ефремову.

А как хотелось бы именно с этим не согласиться! Эдуарда Петровича любили многие, особенно на филологическом факультете Воронежского университета, который он окончил и который всегда оставался его родным домом, куда он часто забегал... На Дни открытых дверей — выступить перед робевшими от его эмоционального натиска абитуриентами с рассказом об учителе поколе-

ний филологов Анатолии Михайловиче Абрамове, так точно и артистично копируя при этом жесты и словечки ученого, что вставал живой облик нашего легендарного профессора... Но чаще забегал — именно забегал! — просто повидаваться, поговорить о наболевшем, вспомнить о любимых преподавателях, подарить свою или взять чью-то новую книгу, узнать о конференциях, рассказать о чем-то самом важном для него и для нас... И сегодня нам очень не хватает его «забегов»...

В один из университетских сборников, посвященных творчеству И.А. Бунина, Эдуард Петрович предложил статью с удивительным заголовком: «Если бы у Бунина были дети». В ней, помимо журналистского, интригующего поворота, — живое слово о тех местах, где жили родители Бунина, где остались предания о них, где еще сохранились приметы той деревни, о которой писал Бунин в одноименной повести, где увидел Эдуард Петрович бунинских стариков и старух, Танек и Молодых, Серых и Денисок... Их фигуры столь жизненны, что понимаешь, что Бунин неслучайно писал о неискоренимости и непостижимости в русском человеке чувства причастности к родине. И для нас книга Эдуарда Ефремова «Мой рок — судьба моей родины» стала в один ряд с его размышлениями о Бунине, об общем «роде-племени», в широком смысле — о русской культуре, о родном крае.

Редактор последней книги Э. Ефремова, цитируя евангельские строки о людях, «от мира и не от мира», говорит о том, что ненавидят людей «не от мира»... Да, это, конечно, Истина. Эдуард Петрович был «от мира» в самом высоком — толстовском — смысле этого слова: «от мира» — с его домашностью, семейностью, дружескими связями, ссорами и спорами, бытом. Однако при этом — с бытием (слова-то одного корня!), с необходимым «бегом» по жизни, но и с такими нужными «остановками» — в храме, на исповеди и молит-

ве, в духовном общении со старцами и священниками.

Была в Ефремове «неотмирность» — в бескорыстии, сострадании, постоянной помощи всем, кто нуждался в его журналистском остром слове, в его столь редкой в нашем современном мире верности собственным нравственным принципам и христианским постулатам. Но было в нем и трезвое понимание того, что в открывшемся ему мире православия есть разные православные — не однажды он с болью и горечью говорил об этой своего рода «моде» быть православным, точнее, позиционировать себя православным, чувствуя таящуюся здесь подмену.

Герой книги Э. Ефремова Василий Павлович Криворучко в одной дневниковой записи вспоминает поздний рассказ И.А. Бунина «Бернар». В нем герой, подводя итоги своей жизни, говорит: «Думаю, что я был хороший моряк». И размышляя над этой нехитрой самооценкой своего собеседника, Криворучко пишет в дневнике о дарованном каждому из нас таланте, об ответственности за него. Бернар, по его мнению, «всю жизнь усердно, достойно, верно исполнял скромный долг, возложенный на него Богом, служил Ему не за страх, а за совесть». И не удивительно, что завершается эта дневниковая запись художника в «бунинском» ключе: «После долгих летних и осенних дождей и невзгод постучалась золотая осень бабьего лета. На этуды!» В художническом служении своему таланту, своему призванию увидел художник В.П. Криворучко свою связь с классиком. Так мог бы сказать о себе и «хороший моряк» — журналист, писатель, публицист, филолог, истинно православный человек Эдуард Петрович Ефремов, если бы Бог дал ему продлить «дни нашей жизни»: «Иду, еду, бегу, спешу служить Богу и людям — делать добро!»

2 января 2020 года Эдуарду Петровичу исполнилось бы 74 года.